нии суздальского княжича Мстислава, сына Андрея Боголюбского, Романом Андреевичем.

Собственно литературная история сюжета неоднократно привлекала к себе внимание исследователей и достаточно выяснена ими.[1] Суть этой истории заключается в том, что в конце XIV—XV в. в сложившейся к тому времени обстановке острой борьбы Новгорода за политическую независимость против объединительных действий Москвы настало время, когда не забывавшаяся в Новгороде легенда о «чуде 1170 года» в числе других, ей подобных, приобрела особую актуальность. При содействии такого патриота и поборника новгородской самостоятельности, как архиепископ Евфимий II Брадатый, выгодная в русле данной политики легенда была превращена в литературное произведение.

Для этой цели весьма расчетливо было им привлечено перо не какого-либо местного литератора, способного казаться неавторитетным и к тому же заинтересованным, а приглашенного с общепочитаемой в христианском мире «святой горы» Афон ритора Пахомия Серба. Прибывший в Новгород между 1429 и 1438 гг.[2] Пахомий выполнил здесь ожидавшуюся от него услугу, написал со всем присущим ему своеобразно изощренным мастерством «Слово похвальное знамению» и несколько других произведений на местные темы.

По-видимому, тогда же, немного позднее, рассказ о «Чуде от иконы Знамения» уже в развернутой форме, не столько пышнокрасноречивой, сколько конкретно-нарративной, был внесен в новый новгородский летописный свод, создававшийся около 1448 г.[3]

В ту же пору интересующий нас сюжет вторгся и в живопись. Актуальность сюжета в условиях обстановки XV в., как видно, требовала не только литературной, но и наглядной изобразительной его разработки. Около середины XV в. в лучшей новгородской иконописной мастерской была написана первая на данный сюжет икона, послужившая образцом для ряда других, последовавших за ней, — икона давно и хорошо известная в истории русских древностей и искусства.[4]

Вслед за этой первой вскоре же, на протяжении второй половины XV в., появляется еще несколько, не менее двух, икон-картин на тот же сюжет.[5]

---

[1] Ф. Буслаев. Местные сказания владимирские, московские и новгородские. — Летописи русской литературы и древности, т. IV, М., 1862, стр. 18—23; В. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871 (далее: В. Ключевский), стр. 127; Д. Лихачев. Идеологическая борьба Москвы и Новгорода в XIV—XV веках. — Исторический журнал, 1941, № 6.

[2] История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., Изд. АН СССР, 1946, стр. 263.

[3] Там же, стр. 257—258; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 312 и сл.; ср.: А. А. Шахматов. Обозрение русских летописных сводов XIV—XV вв. Л., 1937, стр. 153.

[4] Макарий. Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях, ч. 2. М., 1860, стр. 114, прим. 201; И. И. Срезневский. Древние изображения св. князей Бориса и Глеба. — Христианские древности и археология, издав. В. Прохоровым, кн. 9, 1863, стр. 63—64; П. Л. Гусев. Две исторические иконы новгородского древлехранилища. — Труды Новгородского церковно-археологического общества, т. 1, Новгород, 1914; А. И. Анисимов. Этюды о новгородской иконописи. — София, 1914, № 4; И. Э. Грабарь. Андрей Рублев. Очерк творчества художника по данным реставрационных работ. — Вопросы реставрации. Сборник Центральных гос. реставрационных мастерских, т. 1, М., 1926, стр. 45; В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, стр. 119, и др.

[5] Ввиду некоторой путаницы между ними, вкравшейся в общеизвестные издания по древнерусскому искусству, автор, как непосредственный свидетель миграции этих памятников в течение последнего полустолетия, считает небесполезным уточнить сведения о них. Новгородская икона «Битва», которую мы назвали основной (разм. 161 × 118), впервые вошла в литературу в середине XIX в., в период, когда